

Азиату пристало родиться
Где-то в Нерчинске или в Аге.
И судьба его – снежная птица:
Пролетела и скрылась в пурге.

Мы с тобой по судьбе азиаты.
Дом наш – снег да седая трава.
Наши песни из проруби взяты:
Были льдинки, а стали слова.

Наши белые души с рожденья
Опекала родная зима.
Ты возьми ее снеготворенья
И заполни живые тома.

Ты в обметанном, тусклом окошке
Золотой пяточок продыши,
Чтобы только открылся немножко
Мир неведомой прежде души.

Продыши эти мерзлые дали –
В песню хлынет чужая беда.
Ну и что же, что так не певали
Никакие певцы никогда!

***

Ты забралась в такие дали, Русь!
Тайга, тайга – темнее всякой тучи.
И, глядя в небо, я не разберусь,
С каких широт несется ветер летучий.

Он обвевал изнеженный Париж?
Трепал халат на Азии раскосой?
А ты его встречаешь и паришь
В цветастом платье клевера и проса!

Крестьянские заботы не новы,
Судьба полынным запахом прогоркла.
Но небо! – от библейской синевы
Слезами перехватывает горло!

Над этой одичавшею рекой
Твой говор мягче шепота и плеска.
Твоею материнскою рукой
Разъята даль, как в доме занавеска!

Темь волчьих троп
И лунный свет гольца
Равно в твоём замешаны стакане.
Ты первой с полусонного лица
Зарю смываешь в Тихом океане!

***

Не постиг я чужую науку,
Как за морем удачу ловить,
Но приемлю сердечную муку –
Эту родину горько любить.

Грозное шершавое небо,
Как большая родная ладонь...
Мне достаточно скудного хлеба
И печурки, что теплит огонь.

Плотных елей живая ограда
И реки не тускнеющий луч –
Это все, что душе моей надо,
Чтоб не чувствовать тяжести туч!

***

День рожденья. Янтарная осень.
Не бывает хлебов золотей.
Мама втайне гордилась, что восемь
Родила она крепких детей.

Говорила: "Не надо нам денег,
Нам дороже в семье сорванец".
В той, где выросла мать, было девять,
И тринадцать – где вырос отец.

Кедрачи – вековая порода –
Удивлялись мне, хвою клубя:
«Это сколько ж родного народа
На земле окружает тебя!»

***

Жизнь позади,
А все звенеть не кончит
У маминого поля, на меже,
Небесный брат мой,
Синий колокольчик,
Качающийся в теплом мираже.

Динь-динь дороге,
Дремлющему долу!
Не затихает этот звон вдали...
Я припаду к цветастому подолу
Усталой, отдыхающей земли.

Я вновь заплачу, мальчик стародавний,
Щекой родную руку не найдя.
Укрой меня, усатый лес недалний,
И покачай под шепоток дождя.

И я опять услышу над собою
В родной неувядающей глуши
И вещий голос вечного собора,
И тайный отклик тающей души...

Шумят деревья.
Родничок клокочет.
Но всех слышнее в теплом мираже
Небесный брат мой,
Нежный колокольчик,
У маминого поля, на меже...

РУССКАЯ ДУША

Видать, за то, что страждущим и сырým
Ты все отдать готова до гроша,
Тебя торговцы, правящие миром,
Судить берутся, русская душа.

Но на земле уже давно известно,
К кому слетают ангелы с высот.
Небесной силе на Руси не тесно.
С небесной правдой ей всегда везет.

***

Когда в ночи сижу один
И все окно в пожаре звездном,
Я перед миром этим грозным –
Малыш, доживший до седин.
Молись, душа моя,
Моли,
Чтоб стихла боль, прошла усталость,
Чтоб тишина со мной осталась
И слезы вытерла мои...

***

Взывает время к доброте.
Оно от зла устало.
Ты мне о страхе,
Темноте,
А я о ветке талой.

Ты мне о ценах и деньгах
И о безумной власти.
А я о золотых деньгах,
Когда бывал я счастлив.

Ты мне о крови и вражде,
Я о своей надежде:
О солнце, ветре и дожде...
О том же, что и прежде.

***

Г.С.

Все это призрачно в миру:
Безбедное существование,
И слава громкая, и звание,
И даже замок на юру.

И даже то, что вьелось в кровь:
Твоя привязанность к левкою,
Моя – к простору и покою...
А вечна тихая любовь –

Неиссякаемый исток
Существования земного:
То, сердцем найденное, слово,
Тот, солнцем поднятый, росток...

ВСТРЕЧА

От городов далече,
В лесу, где нет пути,
Негаданная встреча
С мальчонкой лет пяти.

– Сынок, где дом твой?

– Вона, –

И указал кивком
На козырек вагона
За спутанным кустом.

– А где отец?

– У речки.

– А мамка?

– У костра.

И в глубь чащобы вечной
Пошел, как в глубь двора.

Он вел меня без слова
С отвагой шалуна,
Как редкого, незлого
Медведя-шатуна.

За зеленью древесной
У мокрого мыска
Метался звон железный
Над остовом мостка.

И там, на гулком трапе,
В сторонке от людей,
Стоял мальчишкин папа,
По имени Сергей.

А у жилья, где только
Дымком пятнался свет,
Под елью мама Ольга
Готовила обед.

Ну, словом, знал Алёша,
Что было в самый раз
Под ворохом валежин
Устроить тайный лаз,

Взглянуть, коль выпал случай,
Как жизнь идет в тепле
На муравьиной куче,
В березовом дупле,

Спросить знакомых очень
Жуков и пауков:
Не может ли помочь им
Алеша Поляков?

Дружок! Я давним летом
Их тоже нес на свет.
В зеленом доме этом
Я прожил много лет.

И в заповедной чаще,
В листве над головой,
Я любовался часто
Резьбою голубой.

Я в сердце, как святыню,
Храню зеленый дом.
И очень рад, что ныне
Ты поселился в нем.

Шагай,
Тори раззяве
Угожий* путь, шалун.
Ты здесь теперь хозяин,
А я седой шатун.

В ТОННЕЛЕ

Косынка белая на шейке,
Под каской локон смоляной.
Девчонка юная, маркшейдер,
В тоннеле гулком, под землей.

---

* Угожий – нужный, необходимый.

...У стенки каменной, шершавой
И мокрой, как причал морской,
Она нисколько не мешала
Работе яростной, мужской.

Скорей, напротив:
В каске алой,
На чей-то взгляд оборотясь,
Она в кругу мужском являла
Всепобедительную власть.

Ремями стянутая ловко
Ее фигурка
И лицо
Тут запрещали безусловно
Любое грубое словцо.

Я вспомнил слышанную часто
Скупую исповедь солдат
О том, каким казались счастьем
На фронте женский смех и взгляд.

Такой сестренке оробело
Несли цветок, сорвав в лесу.
Когда она в затишье пела,
То кто-то смахивал слезу!

Мне умиляться не пристало,
Что, мол, в забое,
Где сквозняк
Шел низом
И вода хлестала,
Девчонке было все пустяк.

Но так была она близка мне,
Как я и сам не ожидал, –
Подснежник трепетный на камне,
Березка хрупкая у шпал!

СТАРЫЙ ПИСАТЕЛЬ

*В семидесятых годах мы с Африканом
Андреевичем Бальбуровым много дней
колесили по бурятской трассе БАМа.
Неожиданно ярко открылся тогда передо
мною этот писатель с неутомимой
душой и острым, пытливым умом.*

...Едва над палаткой
Светало вдали,
Он резко и кратко
Бросал мне: «Пошли!»

И в утренней, хмурой
Тайге, без дорог,
За быстрой фигурой
Спешил я, как мог,

На просеку,
В сизый холодный туман,
На гулкую насыпь,
В сырой котлован,

К шоферам, отнявшим
Безмолвье у гор,
К монтерам, поднявшим
Машины опор.

Хотел он запомнить,
Как некий урок,
Людскую улыбку,
Мольбу иль упрек.

В тесовой временке,
В балке, в шалаше
Увидеть хотел,
Как живет душа,

Что жжет ее снова
В бессонную ночь.
Не делом, так словом
Врачуя, помочь.

Он, старый писатель,
На долгом веку
Был, словно спасатель,
Всегда начеку...

***

Есть на закате краткий час,
Когда дрожащий пламень,
Как в церкви, озаряет нас,
И каждый куст, и камень.

Тогда не только облака
И золото заката, –
Тогда таинственно близка
Душа живая чья-то.

Пускай вдали,
Пускай молчит,
Но сызнова и снова,
Неизреченное, звучит
Ее родное слово...